

АЛЕКСАНДР I

Александр
Архангельский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Александр Архангельский

Александр I

«Автор»

2012

Архангельский А. Н.

Александр I / А. Н. Архангельский — «Автор», 2012 — (Жизнь замечательных людей)

Императора Александра I, несомненно, можно назвать самой загадочной и противоречивой фигурой среди русских государей XIX столетия. Республиканец по убеждениям, он четверть века занимал российский престол. Победитель Наполеона и освободитель Европы, он вошел в историю как Александр Благословенный – однако современники, а позднее историки и писатели обвиняли его в слабости, лицемерии и других пороках, недостойных монарха. Таинственны, наконец, обстоятельства его ухода из жизни. О загадке императора Александра рассказывает в своей книге известный писатель и публицист Александр Архангельский.

Содержание

Часть первая	5
Царь или дитя?	5
Имя, фамилия, отчество	8
Вероисповедание	10
Образование	12
Место жительства	15
Тело, душа и одежда	17
Время, вперед!	20
Зачинатель	23
Любовь	29
Дружба	32
«Я от бабушки ушел...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Архангельский Александр I

Часть первая Первому – вторая (Роман воспитания)

«От сего наводнения освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; в частях же, понятых водою, оно и в маловременном своем продолжении причинило весьма великий вред. Суда были занесены на берег. Небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего Дворца, через каменную набережную... По всем почти улицам, даже и по Невской перспективе, ездили на маленьких илюпках. Множество оград и заборов опрокинуты были; малые деревянные дома искривились от жестокого сотрясения, ими претерпенного; даже некоторые самые маленькие хижинки носились по воде, и одна изба переплыла на противоположный берег реки... Сие наводнение случилось во время ночи, потому и множество людей и скотов пропало». Свидетельство современника о петербургском наводнении 10 сентября 1777 года¹

Царь или дитя?

ГОД 1777.

Декабрь. 12.

10 ч. 45 мин.

Санкт-Петербург.

Великая княгиня Мария Феодоровна, немецкая жена наследника российского престола Павла Петровича, разрешилась от бремени сыном-первенцем.

«О сем великом благополучном происшествии возведено жителям столицы 201 пушечным выстрелом с крепостей Петропавловской и Адмиралтейской, а в придворной большой церкви отправлено с коленопреклонением благодарственное молебствие»

(Санкт-Петербургские Ведомости, 1777).

«...жаль, что волшебницы вышли из моды; оне одаряли ребенка чем хотели; я бы поднесла им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударьни, естественности, немножко естественности, а уж опытность доделает почти все остальное»

(Екатерина II – своему постоянному корреспонденту Гримму, письмо от 14/25 декабря 1777)².

*...Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес; —
Каждый гений к колыбели*

---

¹ Русская Старина. 1875. Т. 12. С. 50.

² Здесь и далее цитаты из писем Екатерины Гримму даются по изд.: Шильдер Н. К. Император Александр Г. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897–1898 (далее: Шильдер). Т. 1. См. также: Сборник Императорского Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. 23.

*Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет...
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек!»*

(Гаврила Державин. «На рождение в Севере порфиородного отрока», около 1779 года: «Сие аллегорическое сочинение относится ко дню рождения Государя Императора Александра Павловича, случившегося декабря 12 дня 1777, в котором солнце оборачивается на весну...»)³

В России царей любят, но относятся к ним строго. Чтобы стать русским царем не только по имени, но и по существу, мало родиться во дворце. Нужно подтвердить свою предызбранность на царство «от века»; желательно также иметь царский знак. Родимое пятно в форме орла во всю спину, солнечный символ, волосы на груди крестом.

В 1822 году мещанин Старцев известит государя императора Александра Павловича о сибирской встрече с красноярцем Афанасием Петровым: «...известно мне, что он на теле своем имеет на крыльях между лопатками возложенный крест, который никто из подданных Ваших иметь не может, кроме Высочайшей власти, а потому уповательно и на груди таковой иметь должен; по таковому имени возложенного на теле его креста быть должен не простолюдин и не из дворян и едва ли не родитель Вашего Императорского Величества...»⁴

Извещению дадут ход, Петрова доставят в столицу, официально изучат, чем-то в его крыльях не удовлетворятся и вместе с мещанином Старцевым отправят на поселение в город Тобольск.

Пройдет еще несколько лет. В 1844-м крестьянин Клюкин встретит в бане цесаревича Константина Павловича и сочтет своим гражданским долгом сообщить Николаю Первому? «...и видел у него грудь, обросшую волосами крестом, чего ни у одного человека не царской крови нет...»⁵

Но в 1777-м до волос на груди еще далеко. У младенца и на голове их почти нет. Пределы его царства – плетеные стенки спальной корзины. В этом царстве не бывает самозванцев, а потому не требуют и доказательств. Здесь каждый зван и каждый призван.

Корзина стоит в беспокойных покоях Зимнего дворца. Окна всегда открыты и в отведенные часы поблизости с пристани палят пушки. Младенец гложет на левое ухо (глухота обнаружится позже), зато привыкает к сокрушительной музыке Истории. Медленно грубеющей на сквозняке кожей он ощущает, что История холодна и что от нее никому не укрыться. Что делать? Столица ему достанется северная, дворец – Зимний, и только сад для прогулок будет Летним.

Он не умеет еще говорить, а уже включен в состав отдаленного государственного проекта. Его не просто пеленают, купают, укладывают; нет – всякое действие, над ним совершаемое, наделено смыслом и целью, подлежит прочтению.

---

³ Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подг. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. М., 1986 (Серия «Литературные памятники»). С. 10–11, 401.

⁴ Подробности см.: Кубалов Б. Сибирь и самозванцы // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 166–167. Ср. также: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

⁵ См.: Чистов К. В. Указ. соч.; Успенский Б. А. Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 206.

Корзина неподвижна и устойчива – в противоположность люльке, в которой предыдущая государыня Елизавета Петровна укачивала Павла Петровича. Сына Павла Екатерина терпеть не может; внука Александра обожает. Холодная ванна (вода для купания приносится накануне и более не» подогревается) противостоит парной педагогике Елизаветы. Ножки без чулок, любимое платье («очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный, очень широкий жилетик», Екатерина – Гримму) призваны напоминать о плачевных последствиях укутываний Павла. Александр «не знает простуды, он полон, велик, здоров и очень весел, не имеет еще ни одного зуба и не кричит почти ни> когда» (из того же письма).

Имя, фамилия, отчество

Рождаясь в мир, будущий русский царь, как всякий человек, не имеет ничего, даже имени. Но фамилией он обладает по праву рождения, по праву рода.

Романовы – не самый древний из дворянских родов России; среди слухов 1825–1826 годов, порожденных известием о кончине царя вдали от столиц, будет и такой, сообщенный солдатом музыкальной команды Евдокимом «любезнейшему другу»:

«Однажды сказал граф Воронцов Государю: "Что ваш за род Романов – существуете на свете сто сорок лет, а мой род графской – 900 лет, так мне должно быть царем, а ты самозванец". Этот граф установил закон масонской веры и закон республики. У него уже сделаны были знамя вышиты золотом; корона Российской державы опровергнута была вниз головами. И хотел он быть королем республики»⁶.

Королем республики Александр I быть не хотел (скорее уж республиканцем на троне). И опровергать вниз головами корону российской державы не собирался. (Хотя, может быть, и опровергнул.) Он просто родился Романовым, и, значит, змеиная мудрость патриарха Филарета, голубиная нежность юного Михаила Феодоровича, страшная мощь Петра, версальский размах Екатерины не были для него чем-то посторонним, до него не касающимся. Он родился Романовым – и, стало быть, сыноубийство, совершенное Великим Петром, и мужеубийство, попущенное Великой Екатериной, были для него кровавой частью кровного наследства, долговым обязательством рода. Он родился Романовым – и породнился с большинством владетельных домов Европы, особенно немецких.

ГОД 1777.

Месяц тот же. 20.

В большой церкви Зимнего дворца духовником Екатерины Великой о. Иоанном Панфиловым совершено таинство крещения; сын наследника наречен Александром – в честь св. благоверного князя Александра Невского. Восприемницей стала императрица, заочными восприемниками были император римский Иосиф и король прусский Фридрих Великий.

...Проходит несколько времени – и границы владений младенца раздвигаются. Он царствует, лежа на боку, в очень широкой железной кровати, на кожаном матрасе. Кровать стоит все в тех же покоях Зимнего. Зимний – в центре Петербурга. Петербург – в центре России. Россия – если и не стоит в центре мира, то должна стать. И станет. Это замысел бабушки, громадный и величественный, как сама она. Внуки – и прежде всего старший – часть этого замысла, осуществлению которого ничто не должно мешать. Помехи следует устранить.

Первая из них – недостойные младенца и не включенные в замысел родители. Марии Феодоровне и Павлу Петровичу не благословлено часто видаться с сыновьями. Позже, когда они захотят взять детей в путешествие по Европе, им это не позволят сделать. Напротив, едва они воспротивятся поездке Александра и его младшего брата Константина (родившегося 27 апреля 1779 года) вместе с Екатериной в Крым, им будет жестко указано на пределы их власти. Дело родителей – рожать, остальное – не их дело.

Затем необходимо властной лаской размягчить младенческую волю, мягкой, сладко пахнущей рукой размять глину, придать ей нужную форму и в должный момент обжечь, закалить, возвратить твердость. Сквозной мотив екатерининских писем Примму – власть над личностью старшего внука и счастливое упоение этой властью.

«Я все могу из него делать...» (от 29 мая 1779);

---

⁶ Кудряшов К. В. Александр I и тайна Федора Козмича. Пг., 1923. С. 45–47.

«...мне говорят, что я вырабатываю из него забавного мальчугана, который готов делать все, что я захочу... Все кричат, что бабушка делает чудеса, все требуют, чтобы мы продолжали вместе играть» (от 5 июля 1779);

«...это забавный мальчуган, которому доставляет удовольствие принимать все, что я ни делаю...» (от 14 июля 1779);

«...слово бабушки – это наше самое дорогое слово, и ему мы более всего верим» (от 7 сентября 1780).

Но все это – после. Первым же шагом на избранном Екатериной пути стало наречение имени.

Гримму императрица объясняла свой выбор так: «Великая княгиня только что родила сына, который в честь святого Александра Невского получил громкое имя Александр... Aber, mein Gott, was wird aus dem Jungen werden? (О, мой Бог, что-то получится из этого мальчика? нем.). Меня утешают Бейль и отец Тристрама Шенди, который считал, что имя влияет на предмет, им обозначаемый. Гордец! Что до нашего имени, уж оно-то прославлено: его носил даже кое-кто из матадоров!»⁷

Версия сколь красивая, столь и пошлая, уравнивающая в правах покровительства святого и «кое-кого из матадоров».

На деле все обстояло куда сложнее.

В «монарших святцах» XVIII столетия среди мужских имен не было Александра (как не было и Константина, и Николая). Сознательно отступая от этой традиции, Екатерина тем самым указывала европейскому миру на новый вектор российской политики, новое измерение российского исторического бытия. «Греческое», «константинопольское». Не столько о святом благоверном князе Александре Невском, сколько о расширившем границы своей власти Александре Македонском и закрепившем свое безграничье Константине Великом должны были напоминать прозвания двух старших ее внуков; об устремлении на бывший греческий, ныне турецкий восток европейской цивилизации. Наречение молодой великокняжеской поросли предвляло и предрекало неизбежное расширение российской сферы влияния, создание Греческой империи со столицей в Константинополе, «малое» коронование Константина под неформальным покровительством «большого» венценосца Александра. И таким образом стояло для Екатерины в одном ряду с присоединением Крыма. Недаром так настаивала она на том, чтобы внуки сопровождали ее в знаменитой «потемкинской» поездке по Крыму⁸.

Замысел был понят – и не только адресатами Екатерины, французскими энциклопедистами и европейскими государями. Характерен анекдот, позже записанный поэтом Петром Андреевичем Вяземским:

«...<Иван Иванович> Дмитриев гулял по Московскому Кремлю в марте месяце 1801 г. Видит он необыкновенное движение по площади и спрашивает старого солдата, что это значит. «Да съезжаются, – говорит он, – присягать Государю». – «Как присягать и какому Государю?» – «Новому». – «Что ты, рехнулся, что ли?» – «Да, императору Александру». – «Какому Александру?» – спрашивает Дмитриев, все более и более удивленный и испуганный словами солдата. «Да Александру Македонскому, что ли!» – отвечает солдат»⁹.

---

⁷ Сб. РИО. "Т. 23. С. 72.

⁸ См. подробнее о «греческом» проекте и государственно-политической семантике имен Александра и Константина: Зорин А. Л. Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов. Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. № 24.

⁹ Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Изд. подг. А. Л. Зорин, Н. Г. Охотин. М., 1988. С. 417–418.

Вероисповедание

Протоиерей Андрей Сомборский, наставлявший будущего государя в вопросах веры, четырнадцать лет провел в Англии. Женат был на девице Елисавете Филдинг. Брил бороду. Ходил в гражданском платье, принадлежал к хорошему обществу. Составил план Царскосельского сада. Богословских споров не любил, полагая, что «одобрения и беспристрастные свидетельства Высочайших Особ должны теперь положить единый и ясный смысл на оные многочисленные толкования» (из письма митрополиту Амвросию)¹⁰. Воспитанник отца Андрея Священного Писания не читал вплоть до 1812 года. Он любил православное богослужение, обряд исполнял, но в тонкости церковных смыслов не вникал и был полувером – как большинство состоявших при дворе современников.

Это и само по себе нехорошо; когда же дело касается царской власти в России – становится и вовсе плохо.

Царь призывается на царство в исключительно редких, исключительно страшных случаях. Смерть бездетного монарха, смута безначалия, убийство малолетнего наследника престола – малоприятный фон династических торжеств по случаю смены Правящего Дома. Мелочная борьба знатных родов, интриги, устранение конкурентов, покупка голосов – неизбежные составляющие такой смены. И все же избрание есть поручение; должно его исполнить. Тот, кого соборные избрали (точнее было бы сказать – возвели) на трон, есть Избранник, доверенное лицо народа. Чин помазания на царство не просто «закрепляет» это положение, не просто дарует церковное благословение, но через одно из таинств *подтверждает* соответствие земного избрания небесной предызбранности. Во Вселенной (значит, и в незримой небесной России, во Святой Руси) царствует Христос; на царство в России земной поставляется Его наместник, Русский Царь.

Основатель династии опирается на волю Собора. Если, не дай Бог, личная вера его пошатнется, непосредственная – через молитву – связь с Источником благодати будет утрачена, останется хотя бы вторая «подпора», снизу.

Для его детей, его внуков и правнуков, которым соборная клятва на верность дается впрок, когда их нет еще и в помине, – все сложнее, все опаснее, все трагичнее.

Только спокойная, глубокая, возвышенная и простая вера в Бога, «доверенность к Творцу» обеспечивают им сознание своей монаршей правоты. Именно – спокойная, глубокая, возвышенная и простая. Это условие совокупно необходимое и достаточное.

Стоит царю утратить спокойствие и простоту веры, позволить себе отдалиться религиозной истерике или хотя бы погрузиться в монашеское созерцание, как вверенная его неразумному попечению страна оказывается на грани катастрофы, – как это было во времена слишком своевольного Ивана Грозного и слишком смиренного Феодора Иоанновича. И стоит монарху потерять глубину и высоту веры, как на краю катастрофы оказывается он сам. Кто он такой и каким образом взнесен над людьми? Почему они – его подданные? Чем по существу отличен *само-держец* от *само-званца*? Утвердительная формула монаршей власти («Мы, Божией милостию...») берется в скобки и венчается знаком вопроса.

ГОД 1778.

с. Дивеево.

---

¹⁰ Цит. по: Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М., 1991. С. 60. Имеются в виду слухи в церковных кругах об уклонении о. Андрея от православия. Попутно: фамилия о. Андрея могла писаться как через «а» («Самборский»), так и через «о» («Сомборский»).

Помещица села Дивеева (55 верст от Арзамаса и 24 от Арбатова) 2-жа Жданова жертвует 1300 квадратных сажень усадебной господской земли на устройство женской обители. Близ Дивеева живет вдова-полковница Агафия Семеновна Мельгунова, в тайном монашестве мать Александра. Место указано ей в видении Пресвятой Богородицей около 1760 года.

«...и вот здесь предел, который Божественным Промыслом положен тебе: живи и угождай здесь Господу Богу до конца дней твоих, и Я всегда буду с тобою, и всегда буду посещать место это и в пределе твоего жителства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда на свете: это четвертый жребий Мой во Вселенной. И как звезды небесные и как песок морской умножу Я тут служащих Господу Богу, и Меня Приснодеву Матерь света и Сына Моего Иисуса Христа величающих: и благодать Всесвятого Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных, с малыми трудами человеческими, не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!» «Живи и угождай здесь Богу до конца дней своих...»

«...разнопоместное и чересполосное село Дивеево было тогда весьма неудобно для жития монахине, ищущей молитвенного покоя. Постоянный шум от стечения большого числа рабочих на открытых здесь заводах, добывавших железную руду, ссоры, драки, разбои – все это давало всей местности особый характер, неприязненный для всего мирного, святого и божественного».¹¹

Ноябрь. 20.

Саров.

Канун праздника Введения Пресвятыя Богородицы во храм.

В Саровский мужской монастырь, расположенный в нескольких верстах от Дивеева, среди дремучего соснового леса, на горе, подобной Афонской и омываемой с трех сторон реками Сатисом и Саровкою, по совету Киево-Печерского старца Досифея поступает послушником двадцатичетырехлетний Прохор Мошинин, выходец из курских купцов.

Хорошо еще (хорошо?), если царь достаточно весел я игрив, чтобы красиво *разыграть* отсутствующий смысл своего царства; чтобы беззаботно пить и веселиться, покуда смертию да не умрет. А если – излишне тонок и впечатлителен? А если – изломан и смыслолюбив? Тогда горе ему. Вся жизнь его будет превращена в сплошное несчастье и несозревшие надежды; он увидит вокруг себя то же, что видит и боголюбивый государь, – взаимное пожирание сановных самолюбий, пышное ничтожество придворной жизни, зависть, пороки, тщету, разврат, жестокость, ложь, ложь, ложь! Но увидит – в отличие от него – *только* это. И, говоря стихами юного Пушкина, станет мыслить об одном: «С развратным городом не лучше ль нам проститься, / Где все продажное: законы, правота, / И консул, и трибун, и честь, и красота?» А подданные начнут сомневаться: да подлинно, царь ли это? Не подменен ли? И где тогда его царские знаки?

ГОД 1783.

Август. 6.

Великому князю Павлу Петровичу подарено имение Гатчино близ Павловска. Вскоре здесь образованы полупотешные Гатчинские войска, подчиняющиеся Павлу Петровичу. С 1792 года при Гатчине состоит офицером артиллерист Алексей Аракчеев.

«...толикия проказы позволялись наследнику ради, того, чтобы он был чем-нибудь занят и не помышлял бы о правлении государством»¹².

¹¹ Здесь и далее цитаты (кроме оговоренных случаев) по изд.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского у., с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой / Сост. архим. Серафим (Чичагов). 2-е изд. СПб., 1903. С. 25.

¹² Цит. по: Шильдер. Т. 1. С. 91.

Образование

Неполное, невысшее, среднее.

Екатерина позаботилась о том, чтобы умные (*слишком умные*) педагоги не превратились в негласных регентов и политических ходатаев «от имени и по поручению» ученика – как то случилось с пестунами Павла Петровича. Поэтому главной заботой генерал-адъютанта Николая Ивановича Салтыкова было «предохранить их (великих князей. – А. А.) от сквозного ветра и засорения желудка»¹³. Основной задачей помощника Салтыкова, генерал-майора Александра Яковлевича Протасова, и было помочь в предохранении от засорения желудка и сквозного ветра. Предназначением отца протоиерея Андрея Сомборского – преподавание Закона Божия. Математику, впрочем, преподавал славный Массой, географию и естествознание – знаменитый Паллас, физику – ученийший Крафт, а русскую историю и словесность – добрейший Михаил Никитич Муравьев, отец и дядя активнейших участников декабрьского мятежа 1825 года, а также дядя поэта Константина Батюшкова.

Александр Павлович ленив, непостоянен, несистематичен, а любимые предметы всех непостоянных и ленивых детей – музыку и поэзию – бабушка преподавать не разрешила (план! план!). Так что ему скучно и грустно в учебном классе. Учителя им недовольны.

Зато им, кажется, доволен воспитатель; бабушка довольна воспитателем; отец – недоволен всеми.

ГОД 1784.

Март. 13.

Екатерина II завершает Наставление о воспитании Великих князей и педагогический рескрипт «Записки касательно Российской истории».

Июнь. 10.

Прибывший в Россию полутора годами раньше и состоявший при Великих князьях учителем французского языка швейцарский адвокат Фридрих-Цезарь Лагарп [La Harpe] (1754–1838) подает императрице педагогическую записку, скроенную по лекалу ее же Наставления. Записка имеет успех; Лагарп назначен воспитателем Александра и Константина.

«Провидение, по-видимому, возымело сожаление о миллионах людей, обитающих в России... Благодаря постоянству можно было способствовать сохранению лучшего будущего для 40 000 000 людей... <Целью курса было> читать с моими учениками сочинения, в которых вопрос о свободе человечества был энергически защищаем, людьми замечательными и притом умершими прежде революции. Это удалось благодаря речам Демосфена, Плутарху, Тациту, истории Стюартов, посмертным запискам Дюкло, я мог исполнить мою задачу, как человек, сознававший свои обязательства перед великим народом».

(Записки Ф.-Ц. Лагарпа.)

«Перед каким же именно?»

(Примечание П. И. Бартенева к публикации: Ф.-Ц. Лагарп в России (Из его Записок)¹⁴.)

«Каждый швейцар есть солдат за отечество свое».

(И. Гюбнер. География. СПб., 1719.)

«Лагарп... глубоко внедрил в сердце своего воспитанника религиозное уважение к человеческому достоинству».

(А. С. Стурдза.)

---

¹³ Там же.

¹⁴ Ф.-Ц. Лагарп в России (Из его Записок) [Реферат П. И. Бартенева] // Русский Архив. 1866. Т. 1. Стб. 80–81, 83.

Фридрих-Цезарь Лагарп никогда не готовился стать «советником царям», никогда не считывал им «истину с улыбкой говорить»; тем более – царям русским. Не потому, что не допускал такой возможности; в собственном высоком предназначении он не сомневался. Просто не считал самодержавный принцип правления достойным современного общества. В его планах по окончании знаменитой Незермановой семинарии (где семинаристов воспитывали в традициях древнеримской республики), а затем учебы в Женевском и Тюбингенском университетах, была эмиграция из Швейцарии в Северную Америку для участия в войне за независимость. Что понятно. Лагарп был уроженцем кантона Во, задавленного бернским владычеством, и не мог сделать карьеру в Швейцарии нигде, кроме ненавистного Берна. И главное, Швейцария была «повязана» многовековыми кантональными традициями, а Североамериканские Соединенные Штаты казались идеальной площадкой для строительства мира на совершенно новых основаниях, «с нуля»; единственной в своем роде возможностью организовать государство и общество по заранее продуманному плану, не отягощаясь учетом косных исторических традиций, не считаясь с социальными привычками, воодушевляясь простором исторического творчества.

Однако по случайному стечению обстоятельств из традиционной Швейцарии Лагарп попал не в новаторскую Америку, а в еще более традиционалистскую Россию. И здесь, вопреки намерению заняться воспитанием детей одного из членов английской миссии, был приглашен ко Двору Екатерины II кавалером и учителем французского языка для великих князей, а вскоре стал их воспитателем.

В педагогическом мемуаре, поданном Екатерине, предлагалось начать преподавание с географии, после чего допустимо прочесть небольшой курс истории. Затем, после изучения естественной истории, следует перейти к основаниям геометрии, преимущественно практической, чтобы увенчать все философией, новой наукой, которая имеет целью *разумное сознание того, что ведет к истинному счастью, заключающемуся в добросовестном исполнении своих обязанностей*.

Цель же воспитания – убежденность в равенстве всех людей.

Равенству может и должно учить все – в том числе и геометрия.

«Когда он (Лагарп. – А. А.) начал преподавать Великим князьям геометрию, то потребовал кусок мела; слуга принес ему мел, обернутый в позолоченной бумаге, чтобы их высочества не замарали себе рук; но Лагарп снял позолоченную бумагу и, отдав оную слуге, сказал, что это излишне»¹⁵.

Юркий коренастый демократ пришелся в России ко двору. И, став русским придворным, не изменил своим убеждениям. Утром наставлял великих князей, вечером писал в английские газеты прокламации с призывом к свержению бернско-немецкого ига. В памятном 1789-м обратился к бернскому правительству с требованием созвать Генеральные штаты и провести реформы в революционном духе. Возмутительные (то есть зовущие к возмущению) письма Лагарпа перехватывались, против него плелись интриги, граф Эстергази доносил царице о политических взглядах великокняжеского наставника – тщетно..»

Екатерина Великая, «велев призвать к себе Лагарпа, приветствовала его следующими словами: «Здравствуйте, господин якобинец!» и, показав ему перехваченные письма, спросила его, знает ли он их.

– Государыня, – отвечал он, – эти письма писаны мною.

– Как же после сего, – сказала Екатерина, – вы можете воспитывать великих князей, которые будут напитаны вашими республиканскими правилами?

¹⁵ Представители России на Венском конгрессе в 1815 году (Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского) // Русская Старина. 1899. № 6 (далее: *Михайловский-Данилевский*). С. 637.

– Я полагаю, – отвечал Лагарп, – что в монархическом правлении Государь должен быть демократом, а народ исполнен монархических правил, посему-то я намерен из внуков Ваших сделать демократов»¹⁶.

Анекдот этот (равно как и предыдущий) не столько достоверен, сколько характерен. Русские цари столь же расположены к демократам, сколь русские демократы завистливы к монархам. Лагарп это понял – да здравствует Лагарп!

---

¹⁶ Там же.

Место жительства

Итак, внук изъят из губительной семейной среды и переподчинен самовластной, всераспоряжающей екатерининской воле. Ему дано имя, и судьба его этим именем предопределена. У него есть воспитатель, наделенный планом воспитания. Теперь можно расширить пределы отроческих владений, поместить внука в некое подобие сказочного царства, в волшебный сад, где дорожки разбегаются и сходятся, как сюжетные линии, где сень таинственных гротов заманчива и неопасна, как неизбежные испытания на пути благородного героя.

Великому князю подарена дача, расположенная на полпути от Зимнего дворца, где обитает великая государыня, и Павловском, где препроводит время ее непутевый сын¹⁷. Такая «срединность» может быть (и должна быть – учитывая привычки XVIII столетия) истолкована трояко. Для «внешних» местоположение Александровой дачи означает двойное преемство царственного отрока; одна рука его вложена в руку правящей бабки, другая – в руку любезного отца, оба ведут его стезею жизни. Для «своих» пространственный смысл противоположен: между Екатериной и Павлом поставлен Александр; чем ближе Александрове на символической карте Петербургских окрестностей к Зимнему, тем дальше от Зимнего Павловск «Свои» слишком хорошо помнили, что уже трехмесячного Александра Павловича при живом наследнике Екатерина величала «будущим венценосцем». И последующие ее действия все отчетливее обнаруживали намерение воцарить внука, минуя сына. Удивляться нечему: образ Павла Екатерине не удался, из «проекта» этот персонаж выпадает, я не проектировать же ради него все заново.

Но был у высокомонаршего дара еще один подтекст.

Крохотные владетельные островки, как бы изъятые из исторического пространства, условно выведенные из подчинения правящему монарху, имелись у каждого из наследников российского престола. Начиная с потешного флота Петра Великого (кстати, по глади искусственного озера на Александровой даче тоже скользили небольшие суда) и кончая знаменитым Гатчиним, где играл в прусскую армию Павел Петрович, противопоставляя свой войсковой идеал реально существующему в Россия военному образцу.

Но Александрово не было репетиционным залом, малой сценой, на которой давали прогон будущего государственного действа. Александрово само было спектаклем «по мотивам» екатерининской сказки о царевиче Хлоре.

Спектакль отчасти напоминал модные в XVIII столетии заводные механические театры: позвякивает музыка, вращаются раскрашенные фигурки персонажей, и сколько раз заведешь игрушку, столько раз и будут они вращаться – в одном и том же ритме, по одной и той же траектории.

Главным героем этой механической пьесы стал Александр Павлович.

Гуляя по дорожкам регулярного сада, он обречен был повсюду замечать присутствие Екатерины. Дачный домик великого князя поставлен был на крутом берегу, а прямая аллея, обсаженная цветами, вела от дома к мосту, украшенному трофеями славных сражений, из которых Екатерина вышла победительницей. За мостом начиналось поле, в центре которого возвышался павильон с изображениями Богатств; за павильоном колосилась золотая нива, как бы оплетающая простую пейзажную хижину и естественным венком украшавшая каменную глыбу с надписью: «Храни златые камни».

Ничего лишнего. Все просто, все понятно.

---

¹⁷ «Дачная» литература достаточно обширна. См.: [Джунковский С. С.] Александрове увеселительный сад... Е. И. В. благоверного Государя и Великого князя Александра Павловича. Харьков, 1810; *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы. СПб., 1869; Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. СПб., 1877.

Аллея – жизненный путь будущего государя; он сможет перебраться через бурные воды истории, лишь продолжая военные успехи царственной бабки. Ключ к формуле власти – в надписи на глыбе (потому и глыба, что нерушима!). Это – постоянное напоминание о Наказе, данном Екатериной внукам.

Какой же итог ждет исполнившего Наказ? Все ответы, как полагается, даны были в конце живой книги.

Пройдя мимо водного ключа, расположенного за храмом Цереры и посвященного имени великой княгини-матери Марии Феодоровны, царевич попадал в пещеру нимфы Эгерии – наставницы Нумы Помпилия. (О том, что она одновременно была его возлюбленной, как-то забывалось.) Здесь отрок задумывался о чудесных плодах послушания. И верные выводы, к которым он неизбежно приходил, подтверждались главным зрелищем – росписями семиколонного храма Розы без шипов, внесенного на высокий холм. (Конец – делу венец.)

Здесь Петр Великий с купольной высоты взирал на блаженство России; Россия же, достойно окруженная символами богатства, промышленности, наук и искусств, опиралась на щит с изображением Екатерины.

Спустя четверть века в подобном саду, выполненном в екатерининском вкусе (еще раз: по проекту отца Андрея Сомборского), безмятежно расцветет тезка царя, Александр Пушкин.

...А там в безмолвии огромные чертоги.
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храм?
Не се ль Елизиум полнощный.
Прекрасный Царскосельской сад.
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчались те времена златые.
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

(«Воспоминания в Царском Селе».)

Самое слово «воспоминание» здесь лишено ретроспективного смысла. «Вспоминается» о том, чего пятнадцатилетний поэт не может помнить. Но мир «педагогической провинции», каковой ощущала бытие культура последней трети XVIII столетия (и какой изображает ее Пушкин), устроен так, что предметы *сами* помнят о себе, вспоминают себя; они не следы прошедшего, но сгустки непреходящего; они есть олицетворенное время, протекшее, но не иссякшее.

Но то будет – спустя четверть века. И то будет – в Царскосельском саду. Здесь же и сейчас речь об ином. О будущем, вытекающем из настоящего. Когда-нибудь Петр-основатель переместится еще выше, в миродержавные выси, его нынешнее место под куполом займет Екатерина, Россия же обопрется на щит (или меч?) соименника владыки мира Александра Македонского.

Тело, душа и одежда

Екатерина была талантливым режиссером.

Но со спектаклем, который она ставила в Гатчине, вышла осечка. Актер *переиграл* отведенную ему роль. Павлу дарили игрушку, чтобы тешился и не плакал; он превратил игрушку в действующую модель. Неудивительно: отец в отличие от сына обладал цельностью натуры, хотя и весьма своеобразной. И умел навязать жизни свою волю.

Гатчинские войска в момент их создания имели три рода оружия, в их составе были две команды по тридцать человек. К моменту интронизации Павла, к 1796 году, войска насчитывали две тысячи триста девяносто девять человек нижних чинов и состояли из четырех батальонов пехоты, егерской роты, четырех кавалерийских полков: жандармского, драгунского, гусарского, казачьего, а также пешей и конной артиллерии при двенадцати орудиях. Всей этой оравой командовали девятнадцать штаб- и сто девять обер-офицеров. Так что современник, писавший о «толиких проказах», дозволенных наследнику ради того, чтобы тот не помышлял о правлении государством, весьма заблуждался. Были проказы – стали приказы.

Между екатерининских строк Павел писал свой манускрипт, свое начертание. Поступки его не бессистемны, а по-своему цельны какою-то страшной цельностью запоздалого средневековья. Принадлежавшее ему по праву рождения государство он воспринимал как таинственный рыцарский орден, наподобие мальтийского, где продумано все – от одежды до слоупотребления¹⁸. Бесполезно потешаться над гатчинской муштрой; ценой пота и крови солдат покупалась пламенно-сухая ясность государственного облика грядущей России, так непохожая на обольстительно-влажную, пышную красоту России екатерининской. На версальскую грациозность дворцовых парадов Павел отвечал четкостью гатчинских маршей, на французский образец – прусским, сухим и чистым, как мучная белизна обязательных пуклей и косичек. И форма, и устав, и фрунт на гатчинском плацу были как бы чеканной репликой в молчаливом споре между Екатериной и Павлом. Точнее – в недоконченном споре между государыней и убиенным Петром III Феодоровичем, полномочным представителем загробных интересов которого ощущал себя Павел Петрович. (Он был хорошим сыном. Об Александре Павловиче этого, увы, не скажешь.)

Что же до пуклей и косичек, то люди второй половины XVIII века потому так тщательно следили за внешними формами своей жизни, что для них эти формы были вполне содержательны.

В записках князя Адама Чарторыйского (он вскоре властно вторгнется в пределы нашего повествования) находим следующий забавный эпизод:

«Однажды из армии прибыл курьер, которого стали расспрашивать про подробности костюма и туалета французских офицеров. Между прочим, он рассказал, что все они носят большие бакенбарды. Император (Павел – А.А.), услышав об этом, приказал, чтобы все немедленно сбрили у себя бакенбарды; час спустя приказание было исполнено. На балу вечером видели, так сказать, уже новые лица, выбритые в тех местах, где были бакенбарды, с белыми вместо них пятнами на щеках. Смеялись, встречаясь и рассматривая друг друга»¹⁹.

Комичны бесчисленные описания одного дня Павла Петровича – дня его воцарения.

«Воротнички и галстуки носили до тех пор довольно пышные, так что они, может быть, чересчур уже закрывали нижнюю часть лица; теперь их моментально уменьшили и укоротили,

---

¹⁸ Подробнее см.: Шумигорский Е. С. Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907; Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907; Буцинский П. Н. Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901; Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982.

¹⁹ Чарторыйский А. Мемуары и переписка с императором Александром I / Под ред. А. Кизеветтера. Т. 1. СПб., 1912–1913 (далее: Чарторыйский). С. 170.

обнажив тонкие шеи и выдающиеся вперед челюсти, которых не было видно прежде. Перед тем в моде была элегантная прическа на французский лад; волосы завивались и закалывались сзади низко опущенными. Теперь их стали зачесывать прямо и гладко, с двумя туго завитыми локонами над ушами, на прусский манер, с завязанным назад у самого корня пучком волос; все это было обильно напомажено, напудрено и напоминало наштукатуренную стену. До сих пор щеголи старались придать более изящный вид своим мундирам и охотно носили их расстегнутыми. Теперь же с неумолимой строгостью вводилось платье прусского покроя, времен старого Фридриха, которое носила Гатчинская армия»²⁰.

Еще комичнее (каким-то похоронным комизмом) окажутся мемории о первом дне повоцарении Александра Павловича.

Государя убили, а люди думают о том, где бы достать разрешенную круглую шляпу, фрак, панталоны и жилет! Столько дел у нового императора, столько бед у выпавшей на его долю страны – а он одновременно с указами о закрытии тайной канцелярии и о допущении ввоза в Россию иностранных книг издает указ об отмене ношения пуклей при временном (нельзя же вдруг все полностью переменить – мгновенные перемены ведут к потрясениям общественным) сохранении косички.

Но ведь на самом деле это не фрак, не косички, не пудра, не панталоны. Это – знаки сверхгосударственной, метафизической реальности, которая реальнее жизни действительной. Так полагают, так чувствуют не только в России – во всей Европе. Так думают, так ощущают не только напичканные книжной премудростью люди высшего света, но и лондонские мальчишки.

Будущий приближенный Александра граф Комаровский (Евграф; таково было его имя) в 1787 году был в Лондоне.

«Мы трое шли вместе по улице – граф Бобринский, Вертильяк и я. На мне с графом Бобринским был фрак английского покроя и круглые шляпы, а на французе парижский полосатый фрак и треугольная шляпа; мы замечаем, что за нами множество бежит мальчишек и поднимают грязь с улицы; один из них закричал: *french dog*, и вдруг посыпался град комьев грязи на бедного Вертильяка, и он насилу скрылся в одну кондитерскую лавку, случившуюся на дороге; мы же двое шли тихим шагом, и ни одного кусочка грязи на нас не попало»²¹.

В данном случае все обстоит наоборот – круглая шляпа символизирует англomанию и франкофобию, но от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Александр Павлович формировался именно в эту, «знаковую», эпоху; И потому, например, рассказ о причине, окончательно убедившей его в 1814 году отказаться от верности идее республиканского устройства посленаполеоновской Франции и в конце концов призвать на престол хамоватого Людовика XVIII, – рассказ, отдающий историческим анекдотом, – все-таки кажется достоверным. Батистовое мельтешение в воздухе побежденного Парижа тысяч и тысяч белых платочков и хорошо выбеленных чепчиков привело к тому, к чему не смогли подтолкнуть русского царя Талейран с Меттернихом. Белый цвет – знак роялизма. В первое утро по своему воцарении Александр из окна Зимнего увидел на улицах Петербурга воплощенный в стиле одежды призыв повернуться лицом к Англии; въезжая в Париж спустя тринадцать лет, он читал написанный белым по яркому, тысячекратно повторенный лозунг: *верните нам короля*. И кто виноват, что *царь привнес в событие смысл, которого оно не имело?* Что вместе с новыми временами меняются языки, меняются культурные коды, а «читатели» остаются прежними?..

Но вернемся в 80-е годы XVIII столетия. До психологических романов Ивана Сергеевича Тургенева еще очень далеко. До Фрейда и Юнга – еще дальше. И то, что современный человек именует переживанием, могло совершаться в сфере практического действия; невидимые нерв-

²⁰ Там же. С. 113–114.

²¹ Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 18.

ные *окончания как бы* соединяли человека с формальным строем его жизни. Общеизвестен пример с мушками, которые меняли свое положение на лице светских дам в зависимости от смены настроения. Важно лишь понимать, что когда дама цепляла мушку на край губы, это не просто означало «хочу целоваться»; мушка для нее действителъно наливалась влажностью поцелуя. В мушке сосредоточивались нервные окончания губ.

Другое дело, что царь – не дама. Слишком разные вещи – безусловно владеть искусством платонической любовной игры, главное условие которой. несерьезность, необремененность последствиями и терзаниями, и – ощущать игровой жест как часть великого жизненного действия, имеющего прямое касательство до человеческой судьбы, до человеческой истории. В первом Александр не имел себе равных²², второе, увы, не было ему дано.

Затевая в Мемеле (1802 год) двойной роман с императрицей Луизой и ее сестрой, он прежде всего распорядится наглухо запереть все двери, ведущие к его спальне, – чтобы участницы игры ненароком не перешли границы дозволенного. При этом он будет заботиться не о своей чистоте, не о чистоте «партнерш», но о чистоте жанра. В 1815-м в Вене свободное время Александр Павлович станет проводить в обществе молодой вдовы княгини Габриэлле Ааерсберг и двух графинь Зичи.

«Однажды зашел у них разговор о том, кто в состоянии скорее одеться, мужчина или женщина. Ударились об заклад и положили сделать испытание в доме одной из графинь Зичи, куда отправлен был камердинер Его Императорского Величества с платьем. В назначенное время Государь вышел в одну комнату, а графиня в другую, чтобы переменить одежду: император выиграл заклад»²³.

Соблазн без соблазненных, утонченный эрос без эротизма...

Невозможно представить, чтобы после своего воцарения Александр в самый разгар сенатских дебатов велел вынуть из музейного шкафа и принести атрибуты генерал-прокурорской власти, некогда принадлежавшие Петру Великому, – песочные часы и деревянный молоток, отвел бы сенаторам час на завершение спора, а по истечении времени грохнул бы молотком по ©толу, приведя всех в замешательство и оцепенение. Зато на это был способен действительный носитель «екатерининской идеологии» старик Державин. (В начале александровского царствования он будет ведать делами Сената.) И когда Державин утверждает в своих Записках, что всем в тот миг показалось, будто сам Петр встал из гроба²⁴, – это не просто стилистическая фигура: Державин жил не в музее, а в истории. В музее жил юный Александр Павлович. Он мыслил себя таковым, каковым не был. И никто не мог сказать уверенно, каковым он был.

Гатчина не могла вызывать в нём восторга. Так не может вызывать восторга рояль у того, кто был замучен в детстве гаммами. (Великих князей буквально дрессировали на гатчинском полигоне.) Но как юные жертвы родительской меломании вырастают и ненавистные гаммы остаются с ними, так основы «гатчинского мироустройства» навсегда въелись в сознание великих князей и продолжали влиять на их жизнь. Не по гатчинской ли канве будет вышивать свое царствование Александр? И не от Гатчины ли попытается сбежать в пьянство и вольную жизнь Константин?».

²² В отличие от старшего брата, Константин Павлович ценил не процесс, а результат. А потому традиционные приемы любовной игры (двусмысленные каламбуры, полуневольные намеки) использовал не для оттягивания развязки и тем более не для уклонения от нее, а для ее приближения. Слухи о его романах – до женитьбы на Иоанне Груздинской – всегда были грубы и авантюрны; характерно, что именно за ним был «закреплен» анекдот, во второй половине XX века перешедший «по наследству» к персонажу скабрезных анекдотов поручику Ржевскому: «В обществе, где был Конст<анти>н Пав<лович>, спорили о том, где лучше быть: в Петерб<урге> или в Москве. Одна хорошенькая дама говорила, что она желала бы быть одною ногою в Москве, другою в Петербурге. «А я в это время желал бы быть, – гов<орит> Константин Пав<лович>, – в Бологом» (как раз середина между Петерб<ургом> и Москвой)». См.: Анекдот о Великом князе Константине Павловиче / Сообщ. А. Ранчиным // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 272.

²³ Михайловский-Данилевский. С. 633.

²⁴ Державин Г. Р. Избранная проза / Изд. подг. П. Г. Паламарчук. М., 1984. С. 224.

Время, вперед!

ГОД 1789.

Май. 5²⁵

Версаль.

Король Людовик XVI открывает Генеральные штаты.

Май. Первая половина.

Серов.

О. иеродиакон Серафим вместе с о. настоятелем Пахомием и о. казначеем Исайей навещают тяжелоболящую Агафию Семеновну, которая в предчувствии близкой кончины передает мешочек золотом, мешочек серебром и два мешочка медью, общей суммой в 40 000 рублей – на нужды сестер.

«Матушка скончалась в одной рубашечке, и платочек был на голове».

1789 год памятен не только Великой французской революцией. В тот год вторым изданием вышел французский перевод «Утопии» Томаса Мора; переводчиком был женеvский гражданин Жан-Жак Руссо. В том же году появился и русский перевод, переиздание которого сочувственно отрецензирует молодой тогда сочинитель Николай Карамзин. Европа жила воодушевленным ожиданием разумного царства счастья и справедливости; существенность казалась бедной в сравнении с великой будущностью; эпоха буквально напрашивается на звание утопической.

Июнь. 17.

Версаль.

Депутаты Генеральных штатов, принадлежащие к третьему сословию, объявляют себя Национальным собранием.

Июль. 9.

Национальное собрание преобразовано в Учредительное.

Уже в XVII столетии утопические острова начали дрейф навстречу истории; однако пришлось обождать 1770 года, когда вышел знаменитый роман Луи-Себастьяна Мерсье «2440 год». Мерсье не утверждал (да ему и не поверили бы), что спустя 666 лет и 4 года Европа будет точь-в-точь, как в его романе. Мерсье не предлагал строить будущее по его чертежам. Но сама готовность *в принципе* соотнести идеальный и реальный планы, построить «умственный» проект оптимального общества в реальную хронологию – говорила о многом. Ничто более не мешало европейцам преодолеть веру в то, что историческое время само по себе, само из себя ничего произвести не может; что оно предначертано Промыслом и допускает социальное творчество человека лишь как сотрудничество с волей Божией. Эпоха Мерсье готова была предначертывать будущее сама, разлучая *утопию* с мечтательной *утопичностью*, обручая с деятельным *утопизмом*, превращая в инструкцию к игре «сделай сам».

Как водится, тут же изменили свой статус и прежние утопии; в них был «вчитан» практический, утилитарный смысл; переводя Томаса Мора, Руссо превращал его абстрактный труд в часть своей практической программы; рецензируя русское переложение, Карамзин рифмовал с ним свои социальные упования.

ГОД 1789.

---

²⁵ Здесь и далее даты событий, происходивших на территории Европы, приводятся по новому стилю.

Июль. 14.

Париж.

Попытка разгона Учредительного собрания венчается штурмом Бастилии. Начало Французской революции.

Август. 26.

Принята Декларация прав человека и гражданина.

Но в 1790 году Карамзин возвратится из дальних странствий по Европам. Возвратится – вдохновленный грозовой, очистительной атмосферой всеобщего обновления, Однако вскоре бывшего масона, «брата Рамзея»²⁶, бывшего сподвижника просветителя Новикова, бывшего вольнолюбив потрясут результаты Французской революции. Не столько сама пролитая кровь, сколько *бесполезность* ее пролития смутит его: возможность «истинной монархии» упущена, а республика не состоялась. И это в Европе с ее просвещенностью и внутренней склонностью к демократии. Чего же следует ждать от России, еще помнящей кровавые реки Пугачевского восстания? От России, где никто не знает удержу? Нечего от нее ждать; сохранить бы то, что имеется; с помощью словесности, наук и художеств подготовить общество к далеким условно-возможным переменам – и довольно. Пройдет четверть столетия, и окончательно постаревший, окончательно прославившийся Карамзин запальчиво пообещает уехать со всем семейством в Константинополь, если в России отменят цензуру. Причем Константинополь будет символизировать не родину православной империи, а столицу мусульманской деспотии: все лучше, чем русская воля. Но предварительный набросок этой мысли появится в карамзинских сочинениях уже начала XIX века:

«Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства, что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое Турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах, вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правителей должны исправлять несовершенства гражданских сообществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя.

То есть Французская революция, грозившая испровергнуть все правительства, утвердила их...»²⁷

(Из статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени».)

Стоило ли воодушевляться идеалом прогресса и свободы, чтобы на европейском политическом театре всего лишь переменились декорации и исполнители ролей, а сами роли остались прежними – и прежней осталась разыгрываемая ими пьеса абсолютизма? Не значит ли это, что социальный мир неизменен, что его скрытое от глаз ядро неподвижно, а изменчива лишь калейдоскопическая поверхность? Что «осьмнадцатое столетие», «столетье безумно и

---

²⁶ Так называли Карамзина друзья; это не было его тайное масонское имя.

²⁷ Цит. по: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии / С примечаниями и объяснениями М. П. Погодина. В 2 ч. М., 1866 (далее: *Погодин*). Ч. 1. С. 360–361.

мудро», с его упованиями на силу человеческого разума и надеждой на усовершенствование общественного бытия, как бы помножило себя на ноль и разрешилось в ничто? В погоне за лучшим человечество может растерять и то, что имеет. Ибо «с самой половины восемнадцатого века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были, в некотором смысле, врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения... видели издали ужасы пожара, и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целостность крова нашего и быть рассудительным»²⁸.

Можно назвать такую позицию трезвой. А можно – безыдеальной. Можно – реалистичной. А можно – холодной. Это зависит от избранного угла зрения. Главное в другом. Карамзин, как лицо частное, имел право – и возможность – стать на позиции отчаянного охранения нелюбимых ему порядков; Александр Павлович такой привилегии был заведомо лишен. Его в Константинополь не пустили бы. В том и парадокс, что революционная утопия равенства выводила мир из равенства себе самому; не ответить на ее вызов европейские монархи не смели. Счастливая пора просвещенного абсолютизма, когда бедная сущность расцветала фейерверком гуманной идеологии, не обязательной для исполнения, прошла; наступала эпоха целенаправленных потрясений, эпоха утопий. Это поняла Екатерина, это понял Павел Петрович. Ей казалось, что деду поможет переход к представительному правлению; он, напротив, поначалу считал, что мир спасется красотой рыцарства (хотя впоследствии осознал всю силу законности и всерьез задумался о конституционной перспективе), Юный Александр не имел ничего против мирной фазы Революции – в Париже, не в Петербурге. Дальше этого он пока не загадывал. Но ему предстояло править одной из величайших империй; страной, от которой во многом зависели судьбы европейского мира; державой, нуждавшейся в обновлении, в согласовании с новым европейским порядком. И потому цесаревич обречен был рано или поздно «сочинить» свой ответ французскому Конвенту. Проблема заключалась только в том, как соотносить революционные перемены с родными обстоятельствами, вписать в окружающий ландшафт, заземлить, чтобы роскошное здание новой жизни не обернулось воздушным замком или картонным домиком... Как вычислить градус допустимого отклонения утопии от традиции.

«Просто» циником эпохи упадка или неизлечимым скептиком, разочарованным прагматиком наподобие Карамзина Александр стать не мог. Пустота искала заполнения.

---

²⁸ Там же. С. 362.

Зачинатель

Александр Павловичу, рожденному 12-го числа 12-го месяца, предстояло взойти на трон 12 марта, процарствовать два раза по 12 лет; в год Французской революции он как раз отпраздновал свое 12-летие. Столько будет Александру Пушкину, когда накануне славной войны 12-го года он поступит в Царскосельский лицей и будет вдохновлен гуманными речами профессора политэкономии Куницына.

Юный Александр Павлович тоже вдохновлен – гуманными речами профессора Лагарпа.

Помещенный, как между молотом и наковальней, между властной царствующей бабкой и желчным, жаждущим власти отцом, ставший заложником их бесконечной борьбы, Александр увидел в Лагарпе то, что молодой Платон увидел в Сократе: воплощение нравственной правды и силы.

Придворный анекдот той поры гласит. Отправившись к Лагарпу без предупреждения (пешком, заметим), великий князь был остановлен новонатым швейцаром, который не знал его в лицо. «Кто вы?» – «Александр». – «Г-н Лагарп необычайно занят». Высокородный ученик не потребовал точас доложить безродному учителю и смиренно ждал в приемной. На извинения Лагарпа благоговейно отвечал: «Один час ваших занятий стоит целого дня моего». Швейцара же щедро наградил за усердное исполнение его обязанностей²⁹.

Это не было позой, не было рисовкой; это был жест, изображавший действительную глубину чувства.

И позже, когда Лагарп был удален, в этом удалении Александр увидел то же, что Платон (по словам В. С. Соловьева) увидел в смерти Сократа: «Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир. Существует другой мир, где *правда живет*»³⁰. Исходившее от Лагарпа, равно как воспринятое в Гатчине, врезалось в память сразу и навсегда, чтобы спустя годы отголоском отозваться в тех или иных государственных решениях или проектах.

То, чему этот обаятельный и яркий педагог намеревался обучить будущего государя, реконструируется по сохранившейся «римской», части его курса истории³¹. Курс, как тогда полагалось, был не «информационным», а «идеологическим». С помощью жесткого отбора освещаемых фактов и не менее жесткого комментирования их Лагарп лепил что-то вроде образца для подражания.

Худшие из римлян – кесари. Худший из худших – Константин Великий, ни одно из действий которого, от Вселенского собора до учреждения духовного суда и поддержки монашества, нельзя признать положительным. (Вот тебе, бабушка, и «греческий проект».)

Один из лучших – ярый республиканец Сулла. Идеал государственного мужа – Юлиан Богоотступник: «...еще в юности отказался <он> от всех удовольствий и развлечений, а достигнув престола... в подданных видел людей себе подобных, сознавая свою обязанность заботиться об их благосостоянии и счастье». А что до преследования христиан при Юлиане, то христиане во всем повинны сами: нарушали законы Рима, подняв восстание, оказывая сопротивление законным властям.

Единственное оправдание нарушению закона Лагарп видит в борьбе за свободу. Поэтому восстание гладиаторов он извиняет: «Пчела впускает свое жало в угрожающую ей руку, и муравей язвит попирающую его пятую», а жертвоприношения, совершавшиеся германскими племенами

---

²⁹ См.: Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. В 6 т. СПб., 1869–1871. Т. 1. С. 18.

³⁰ Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 603, 605.

³¹ См.: Сухомлинов М. И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб., 1871. С. 30–38.

нами, не то чтобы одобряет, но относится к ним с пониманием: «...такое бесчеловечие вполне извинительно, ибо оно обрушивалось на похитителей лучшего человеческого блага – свободы и независимости». По той же причине законно какой-то запредельной человеческому пониманию законностью и убийство Цезаря.

Следует ли из того, что Лагарп – сторонник народоправления? Ничуть. Народоправство в его исторической системе – худший из типов государственного устройства; только ограниченная монархия уравнивает требования свободы, с одной стороны, и законности – с другой. Однако в его описаниях «идеального» «ограниченного монарха» едва заметно проступают какие-то иные, «немонархические» черты. Но о них мы скажем чуть позже, а пока задумаемся о другом.

В том, что Лагарп желал добра России, сомневаться не приходится. Но применялся ли он, составляя план воспитания, к реальности державы, в которую попал? Не только к ее привычкам, но и к ее культурно-государственной традиции, и к ее облику: беспощадной протяженности, разнородности культурных укладов, «мирному сосуществованию» средневекового строя монастырской жизни, «допетровского» патриархального крестьянского мира и утонченно-новоевропейских привычек придворного круга? Помнил ли, чем кончились для нее не столь уж исторически давние реформы патриарха Никона, верные по существу, но не примененные к российским обстоятельствам?

Судя по всему, Лагарп представлял положение страны в общих чертах; видел, что миновать освобождения крестьян не удастся; понимал, что грядущее царствование *обречено* на проведение законодательных реформ. Но, кажется, не понимал разницы между Северной Америкой и Россией. Между культурно-историческим пустырем, где, прежде чем начать строительные работы, достаточно начертить «комплексный план застройки», и древним государственным ландшафтом, где необходимо либо вписывать «нов о строй» в сложившуюся систему, осторожно расчищая место для него, либо рушить все до основания, а уж затем приниматься за дело.

Он исходил из благих пожеланий, он внушал своему воспитаннику те же мысли, какие лицейский профессор Куницын будет позже внушать лицеисту Пушкину и какие этот лицеист вложит в оду «Вольность»:

И днесь учитесь, о цари:
 Ни наказанья, ни награды,
 Ни кров темниц, ни алтари
 Не верные для вас ограды.
 Склонитесь первые главой
 Под сень надежную Закона,
 И станут вечной стражей трона
 Народов вольность и покой.

Но достаточно представить себе Россию конца XVIII века, чтобы понять: страшно далека она от Закона! Не кодифицировано право, не проведена черновая работа по составлению Свода законов и их полной ревизии, сосуществуют взаимоисключающие правовые нормы... Ограничение царской власти – прекрасно как идеал, важно как некая политическая перспектива, необходимо как смысловой итог многолетних преобразований. Но в разнородной стране, раскинувшейся так далеко, что до 30-х годов XIX столетия ни один член царствующей фамилии не пересек границ Уральского хребта и Сибири, централизованная власть – неизбежность, и ограничение ее без хорошо продуманной замены (а не подмены в виде специфического русского парламентаризма) есть не отказ от самовластья, но лишь ограничение ответственности монарха в пользу придворной безответственности. И самое главное: начинать в России реформы с кон-

ституционного «небосвода», а не с решения крепостной проблемы, не с грешной *земли*³² было все равно, что «делать пением лодку», с помощью не укорененных в бытии юридических заклинаний пересоздавать живую жизнь.

«Лагарп видел, что его старания приносили плоды. Братья в своих детских играх создали себе идеальное, вымышленное существо, названное ими графом де-Сент-Альбаном (comte de Saint-Albant). Этот граф был у них всегда во главе их солдат и их воинственных игрушек; он был центром, вокруг которого вертелись все политические соображения, ибо Французская революция, которая была в то время в полном разгаре, составляла постоянно предмет толков при дворе и возбуждала их молодые умы. Великий князь Александр ставил этого графа де-Сент-Альбана во главе всех революций, народных восстаний, всех предприятий, направленных против власти, и всегда награждал его. А Великий князь Константин приговаривал его к повешению или расстрелянию. Эти мелочи были весьма знаменательны и обрисовывали характер этих двух детей; из них один проявлял свои врожденные чувства, а другой высказывал те убеждения, которые ему внушали»³³.

1789 год. Утопия. Революция...

А если уж предлагать воспитаннику именно такой путь, то следовало бы указать на рычаг, способный перевернуть российский мир; следовало бы определить силу, которая способна была бы восполнить ограниченность монаршей власти. Не абсолютная монархия, не народоправление... Что же?

Позже, уже в царствование Александра II, ответ будет найден; впервые в русском политическом лексиконе появится слово «гласность». Опора – как бы даже и помимо воли императора – будет сделана на пробуждение к жизни общественного мнения, и цепь великих реформ, безупречно логичная в своем поступательном движении, хотя и преисполненная роковых компромиссов в содержательной части, хотя и предельно запоздавшая, начнет выстраиваться. *Сначала* Великая крестьянская 1861 года, *затем* Великая судебная 1864-го. И дальше – путь к самоумалению власти, к конституции; путь, оборвавшийся именно потому, что историческое время было уже упущено в эпоху первого Александра.

Но «глас народный» в Лагарповой системе никакой роли не играет; больше того – монарший наставник страшится общественного мнения. И тут мы наконец понимаем, какие черты проступали сквозь начертанный Лагарпом образ «идеального монарха», верящего в безусловную силу Закона, оправдывающего ярость толпы, если она направлена против «богоустроенной» (а не заслуженной личными доблестями) власти и железной рукой ведущего вверенное ему общество к царству свободы путями необходимости.

Это черты диктатора. (Естественно, в том мягком смысле, какой придавал этому слову XVIII век.)

Случайно ли, что в 1798 году, став после антибернского восстания руководителем Швейцарской директории, сверхлиберально настроенный Лагарп немедленно ввел жесткую цензуру, изгнал Лафатера, в 1799 году уничтожил Совет, чтобы стать консулом (то есть маленьким швейцарским Наполеоном), объявил всю Швейцарию военным лагерем, каждого ее жителя – солдатом и, в полном согласии с утопией Платонова «Государства», запретил театральные действия, ибо театры *неуместны, когда кипит война*? Случайно ли, что, после поражения и изгнания приехав в Россию (август 1801-го) и вновь застав любимого воспитанника между молотом и наковальней, на сей раз – между «екатерининскими стариками» и «молодыми друзьями», боровшимися за сферы влияния, он посоветовал – не отказаться от планов самоограничения власти, не поменять стратегию, сосредоточившись на земельных проблемах, не апеллировать

³² Хотя это не более чем метафора: вопрос о личной свободе тогда еще не сомкнулся напрямую с вопросом о собственности на землю.

³³ [Граф Мориоль]. Великий князь Константин Павлович и его двор // Русская Старина. 1902. № 8. С. 300.

к мнению несановных дворян, а *затаиться*. Вести свою линию втайне, за плотно прикрытыми дверями секретных комитетов. И главное – заняться реорганизацией «властных структур»... (То же советовал и граф Аракчеев.)

Впоследствии Лагарпа упрекали многие и во многом. Практический Адам Чарторыйский иронизировал: «Лагарп принадлежал к поколению, воспитанному на иллюзиях конца XVIII века, – к тем людям, которые воображали, что их доктрины, как новый философский камень, как новое универсальное средство, разрешали все вопросы и что одними сакраментальными формулами можно рассеять все многообразные препятствия, выдвигаемые практической жизнью при осуществлении отвлеченных идеалов. У Лагарпа было для России свое всеисцеляющее средство, о котором он распространялся в своих писаниях так многоречиво, что у самого императора не хватало терпения дочитывать их. Я вспоминаю, между прочим, что он напал на выражение «регламентированная организация», которому он придавал, не без основания, большое значение, но которое повторял беспрестанно и с такой настойчивостью, что выражение это, в конце концов, стало его прозвищем»³⁴.

Вряд ли Чарторыйский был прав – до конца. Вряд ли до конца справедлив был автор английской «Истории Наполеона», бросивший полупрезрительно: «На нем (русском царе. – А. А.) отразилось влияние его воспитателя, француза Лагарпа. Александр не мог сбросить с себя ту соединенную с тщеславием чувствительность, которая превращает доброжелательный поступок в театральную сцену и опьяняется аплодисментами»³⁵. Скорее наоборот – Лагарп был едва ли не единственным из окружения великого князя, кто делал все, чтобы склонность к эффектному жесту соединилась в Александре с верностью благой идее, чтобы пустота душевного излома начала заполняться.

Иное дело – ядовитые замечания нечестивца Вигеля о том, что Лагарп свою карманную республику поставил образцом будущему самодержцу величайшей империи в мире. Или басенный скепсис Ивана Крылова, поведавшего читающей публике о Льве-отце и Львенке-сыне; царствующий Лев ищет сыну воспитателя; Лисица не подходит – умна, да лжива; Крот «во всем большой порядок любит», но «под носом глаза Кротовы зорки, / Да вдаль не видят ничего; / Порядок же Кротов хорош, да для него; / А царство Львиное гораздо больше норки». Выбор падает не Орла – и вот результат: Львенок возвращается после учебы домой. Отец радостно вопрошает:

... Чему учен ты, что ты знаешь,
И как ты свой народ счастливым сделать чаешь?»
– «Папá», отвечивал сынок: «я знаю то,
Чего не знает здесь никто...
Вот от учителей тебе мой аттестат,
У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звезды;
Когда ж намерен ты правление мне вручить.
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнезды»...

Мораль:

...важнейшая наука для царей:

³⁴ Чарторыйский. Т. 1. С. 238.

³⁵ Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, урожд. графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. Перевод по изд. 1829 года. М., 1912 (далее: *Шуазель-Гуффье*). С. 142.

Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей³⁶.

Единственная вина воспитателя Лагарпа состояла в том, что «главный» его воспитанник рос (и вырос) русским царем без царя в голове; что либерализм, как намагниченная стружка, был напылен лишь на поверхность александровского сознания; что идея свободы не сомкнулась в его сердце с образом традиционной России, не соотнеслась с ее судьбой; что природное добродушие князя не развилось в деятельную любовь к добру. А другой – «дополнительный» воспитанник, Константин, – рос (и вырос) одиноким циником. Страшно читать воспоминания о последних годах и того и другого. Один лихорадочно мечется от иссохшего архимандрита Фотия к раздобревшей Марии Феодоровне; скачет из конца в конец Европы и обратно, нигде не находя покоя; вспыхивает то одной надеждой, то другой – и медленно угасает по причине душевной сырости. Второй, нахохлившись, сидит под Варшавой в сумрачном гулком Бельведере, откуда редко кто выезжает и куда еще реже кто въезжает и где грозовому огню лагарповых мечтаний противопоставлен холод остывшего очага.

Вставной сюжет. СПЛИН, или Долина Лаутенбрунн. Сочинение Сурразеня. (С французского³⁷.)

Молодой аристократ Томас Вентворт собирает друзей своих на обед, чтобы отпраздновать избавление от тяжелой болезни, было приведшей его на край могилы. Болезнь новомодная, истинно английская: сплин.

Томас жаловался доктору: «Окруженный всеми выгодами богатства, я чувствую себя изнуряемым от уныния и скуки. Мне только двадцать пять лет от роду, а я уже расстался со всеми очарованиями молодости; душа моя опустела... бытие мое становится мне в тягость; оно походит не столько на жизнь, сколько на печальный сон, возмущаемый печальными видениями...» Доктор велел забыть отечество, звание, доходы, «то, что вы теперь и чем были прежде», – и отправиться в Швейцарию со ста гинеями в кармане. Сумма незначительная; как раз на покупку хижины и дюжины коз.

Прибыв в Швейцарию, сир Томас для начала затосковал от зрелища горного ландшафта. Затем он избрал для жительства долину Лаутенбрунн и отправился туда пешком через горы. Вскоре он устал, замерз, проголодался, опечалился – и вдруг, о! увидел водопад. Драгоценная влага! Томас переделся в пастушеское одеяние; вскоре он повстречал свадебное шествие и присоединился к нему. Как хороши, как свежи были юноша и девушка! Сколь счастливы их лица! Но мысль о счастье зовет за собою воспоминание о скоротечности блаженства. «О счастье, счастье! говорил я сам себе; образ твой причиняет мне смертельную горесть. Увы!»

Тут невеселый сир Томас примечает плачущую красавицу пастушку; горестные, сердца ищут соединиться.

Затем, как положено, он трудился на ферме своей в поте лица своего; страдал, голодал, заболел; две недели боролся в бреду со смертью и, очнувшись, обнаружил близ себя двух нежных пастушек – пожилую, Марию, и юную, Лауру. Это они спасли его от неминуемой смерти. Природа. Любовь. Труд. Вера. И некоторое сомнение: неужто все простые швейцарские поселения так умны и прециозны, как Мария и Лаура?

Лаура, которую благодарный за спасение Томас ответно спас от горной лавины, повела любовную игру искусно, не давая объясниться и разжигая огонь чувства в его сердце. Но вне-

³⁶ Крылов И. А. Басни / Изд. подг. А. П. Могиланский. М.; Л., 1956 (Серия «Литературные памятники»). С. 83–85.

³⁷ Вставные новеллы – подражание автору «истинной повести» «Боратынский» Алексею Михайловичу Пескову. Наши новеллы достовернее, хотя им и недостает красок русского историка.

запно она вынуждена была раскрыть свою тайну, сознаться, что принадлежит знатному французскому роду графов Бланвиль, изгнанных с родины «ужасами революции»: решением Бернской республики всем политическим эмигрантам велено оставить Швейцарию. Том сочувственно выслушал Лауру, отер ее слезы; но инкогнито не раскрыл. Ничего не говоря «пастушкам», он потихоньку отправился в Берн и от своего настоящего имени направил Марии и Лауре приглашение явиться в свой лондонский замок. Слезы восторга; слезы разлуки. О! чудный незнакомец сир Вентворт, каким чудесным образом узнал он о злосчастной судьбе знатных французенок? О! почему непреодолимы сословные барьеры? как расстаться со славным лаутенбруннским пастухом? Счастье в горести, печаль в торжестве! О!

Они прибыли в замок... здесь встретил их тот, кого они привыкли видеть в пастушеском наряде... узнавание... слезы... свадьба... Сплина как не бывало.

Об этом сир Томас Вентворт и рассказывает своим друзьям за славным обедом.

Вывод сделать трудно. Вместо вывода можно сделать примечание: 29 июня 1798 года Бернская республика, навредившая Марии с Лаурой, пала; во главе сменившей ее Гельветической республики стал Директор Лагарп.

Источник: Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 13–15.

Любовь

С 1790-го Екатерина начала исподволь вводить в организуемый ею государственный спектакль любовную линию.

ГОД 1790.

Ноябрь. 4.

С.-Петербург.

Н. П. Румянцеву дано поручение съездить в Карлсруэ и тайно «обследовать» дочерей наследного принца Боденского одиннадцатилетнюю Луизу-Марию-Августу и девятилетнюю Фредерику-Доротею; в отчете Румянцев сообщает, что нашел Луизу «несколько полнее, чем обыкновенно бывают в ее лета», и что «некоторая полнота... грозит в будущем слишком увеличиться». Впрочем, обе принцессы необычайно хороши характером.

ГОД 1792.

Октябрь. 31.

Баден-Дурлахские принцессы инкогнито прибывают в Россию.

Декабрь. 20.

Отправлен курьер к маркграфу Баден-Дурлахскому с просьбой о согласии на брак великого князя Александра Павловича с Луизой.

ГОД 1793.

Май. 9.

В большой церкви Зимнего дворца совершено миропомазание принцессы Луизы, нареченной в православном крещении Елисаветой Алексеевной.

Май. 10.

Обручение

«Совоспитателю» Александра Павловича генералу Н. Протасову пожаловано 10 000 руб. Лагарп обойден наградой.

«Психея сочеталась с Амуром».

(Екатерина II – Гримму.)

Амуру вздумалось Психею,

Резвяся. поймать.

Опущаться цветами с нею

И узел завязать...

Так будь, чета! век нераздельна,

Согласием дыша:

Та цепь тверда, где сопряженно

С любовью душа.

(Гаврила Державин. «Амур и Психея», 1793 год: «Сочинено в Царском Селе, 1793, при случае сговора Великого князя Александра Павловича с Великой княжной Елисаветой А. в мае месяце, когда они играли с придворными и с Великой княжною запутали так лентами нена- рочно, что принуждены были разрезывать».)

Сентябрь. 28.

Бракосочетание. Венчает соборный протопресвитер Спасо-Преображенской церкви, член Св. Синода Лукьян Протопопов. Колокольный звон продолжается в течение трех дней, празднование длится две недели и завершается фейерверком на Царицыном лугу.

После свадьбы Александр попивает (хоть и не допьяну), марширует (хотя и не до упаду); графиня Шувалова пытается сблизить с ним свою дочь графиню Головину; с молодой женой грубоват и занят ею мало.

В 1790-м Александру было тринадцать лет. В сентябре 1793-го ему не исполнилось еще шестнадцати. Официальное объяснение скоропостижной женитьбы незамысловато: великий князь не по летам страстен, надо бы остудить. Один из дядек, не без умысла угодить просматривающей отчеты императрице, записывает: Александр начал видеть томные сны, раздаются стыдливые вздохи, ни особ женска пола заглядывается...

Верится во все это с трудом.

То есть в то, что заглядывается – верится безусловно; не верится в другое. Мы знаем, что представления о приличиях у государыни были весьма своеобразные. Есть все основания довериться придворным слухам о распоряжении, данном ею одной из опытных фрейлин «подготовить» великого князя к утехам брачной жизни; на послесвадебные похождения великого князя и диковатое обращение с юной женою (по молодости лет он не в состоянии был понять – что это за существо такое, жена, и зачем стала она все время находиться с ним рядом) Екатерина смотрела сквозь пальцы. Если вообще смотрела в ту сторону. Взгляд! ее базедовых, навекате глаз устремлен был в иные дали. В рационально устроенной немецкой голове ее зрели иные планы. Императрицу не интересовало даже то, что обычно интересует в брачном действе правящую элиту: возможность упрочить связи с владетельными домами Европы. Баден-Дурлахское карликовое княжество; какая уж тут сила...

Придворные правильно поняли истинное намерение любимой царицы. И как новые рынки ценных бумаг немедленно оттягивают на себя часть свободно циркулирующих денег, так молодое семейство незамедлительно отвлекло на себя долю свободно циркулировавших при Дворе интриг. Интрига – своеобразный знак придворного признания, подтверждение серьезности притязаний на престол. Сеть надо закидывать заранее – пока царь-рыба молода.

Когда Федор Ростопчин, будущий поджигатель Москвы, жалуется в Лондон российскому посланнику Семену Воронцову на то, что у великой княгини Елизаветы перед глазами дурной пример дочери графини Шуваловой, «что замужем за Головиным; это – лукавейшая тварь, сплетница, кокетка и беззастенчивая в речах» – не стоит подозревать старого безобразника в избытке стыдливости. Просто его оттеснили от участия в устройении любовной игры с наследной четой и ему обидно. (Позже он отыграет свое на Павле Петровиче, «внедрив» в его семейный расклад фаворитку Екатерину Нелидову; в том, что связь с Нелидовой окажется платонической, Ростопчин будет совершенно неповинен.)

Точно так же, когда графиня Шувалова пыталась соблазнить великого князя своей собственной дочерью и одновременно – вовлечь великую княгиню в любовный роман, в ее действиях было меньше эротики, чем политики. По-своему она даже проявляла двусмысленное благородство и соблазнительную независимость – бороться за Александра и Елизавету при живых Павле и Марии значило демонстрировать предпочтение первым перед последними. Хотя бы и половое предпочтение.

Женитьба – возможность расширить владения внука до размеров семьи.

Женитьба – повод даровать ему собственный двор, назначить гофмейстера князю (им стал полковник граф Головин) и гофмейстерину княжне (ею и стала графиня Шувалова).

Женитьба – способ окончательно ритуализовать жизнь «будущего венценосца», уподобить ее императорской.

Потому что женатый человек совершенно иное, чем холостой. Претендент на царство не может быть холостым, не может не быть инициированным. Это не менее важно, чем крест на груди и орел на спине, и даже более заметно. Потому лучше поверить правдивому слуху, бродившему по Петербургу и подтверждаемому письмами императрицы, чем заведомо лживому официальному источнику:

«Передавали даже шепотом друг другу, будто бы у императрицы не раз вырывалось в самом коротком ее кружке об Александре Павловиче: "Сперва его обвенчаю, а потом увенчаю"»³⁸.

ГОД 1793.

Октябрь. 18.

Екатерина призывает Лагарпа и требует, чтобы он подготовил воспитанника к мысли «о будущем возвышении».

«Если бы тайна открылась, вся ответственность пала бы на беззащитного иностранца»:

(Записки Ф.-Ц. Лагарпа.)

ГОД 1794.

Октябрь. 23.

Лагарпу объявлено об отставке в звании полковника, с 1000 червонных на проезд и сверх пенсии полным по чину жалованьем.

ГОД 1795.

Май. 9.

С.-Петербург.

После отсрочки, которую Лагарп употребил на безуспешные попытки войти в доверие к Павлу, он отбывает из России.

«Я... хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствия и охотно уступлю звание за ферму подле вашей или, по крайней мере, в окрестностях»³⁹.

(Александр Павлович – Лагарпу, от 21 февраля 1796 г.)

---

³⁸ Рассказы бабушки / Изд. подг. Т. И. Орнатская. М., 1988 (Серия «Литературные памятники»). С. 293. Ср. в письме Гримму: «Мой Александр женится, а затем будет коронован – церемониально, торжественно, празднично» (Сб. РИО. Т. 23. С. 574).

³⁹ Шильдер. Т. I. С. 112.

Дружба

Нет чувства святее товарищества.

В 1792-м Александр познакомился со славным племянником екатерининского вельможи Безбородко, Виктором Кочубеем. Кочубей горел свободой и желал добра. Только что он вернулся из охваченной революционным огнем Франции; огнем горели и глаза его. Террор еще не начаться, и как было хорошо дышать воздухом Французской революции.

Чуть позже Александр Павлович сблизился с Павлом Строгановым, который тоже знал революционную Францию не понаслышке⁴⁰.

Воспитателем Строганова был французский математик Жильбер Ромм. Подобно Лагарпу, Ромм воспитывал аристократического дитя в демократическом духе; подобно Лагарпу, жил миром идей; подобно Лагарпу, успешно сочетал педагогическую деятельность с организационно-политической работой. В июльские дни 1789-го учитель и ученик (последний под именем Поль Очер) были в Париже, посвящали труды и дни созданию общества «Друзья Закона». Как раз летом 1789 года умер слуга Строганова, Клеман; учитель и ученик не допустили священника к ложу умирающего и затем устроили гражданские похороны. Зато в гроб (погребенный не в церковной ограде, но в саду г-на Ромма) были положены Евангелие и Декларация прав человека и гражданина, а также бутылка с запиской: «Положенные здесь Евангелие и катехизис человеческих и гражданских прав свидетельствуют об его (покойника. — А. А.) религиозных и общежитийских убеждениях...»

Учитель и ученик не ведали тогда о том, что спустя три года член клуба якобинцев, член Законодательного собрания, составитель революционного календаря Жильбер Ромм окажется в числе подписавших смертный приговор Людовику XVI, спустя два года он сам будет приговорен к смерти и заколется кинжалом за минуту до исполнения приговора. К счастью, Строганова по приказу Екатерины задолго до этого чуть ли не насильственно доставят из Парижа в Россию, где будущий наследник престола предложит ему носить тайный знак, чтобы российские якобинцы могли узнавать друг друга...⁴¹

Строганов не скрыл от кузена Николая Новосильцева (он как раз и доставил Строганова в Россию) своего восхищения благородными помыслами великого князя; кузен, которому к тому времени исполнилось уже тридцать пять лет, решил не упускать выгодную возможность войти в доверенность к будущему властителю России и тоже стал активным участником кружка. Именно он впервые предложил «молодым друзьям» незаметно взять шефство над мятущимся цесаревичем, исподволь направляя его волю и выполняя при нем роль коллективного Лагарпа.

Однако он, в свою очередь, не учитывал эффекта матрешки и не замечал, как над ними вырастает еще одно «прикрытие». Сверху за резвящимися на пленэре племянниками зорко приглядывали малоподвижные дядюшки.

---

⁴⁰ Подробнее о нем см.: *Николай Михайлович, великий князь*. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3 т. Т. 1. СПб., 1903.

⁴¹ Об этом эпизоде полезно вспоминать, ломая голову над тем, каким образом вполне цивилизованный царь Александр I мог в 1818-м верить подаваемым ему через Аракчеева доносам Магницкого; тому, например, что на Невском проспекте у золотых дел мастера Арндта продаются стальные перстни с изображением полководца Барклая-де-Толли; перстни заказаны обществом полковника Томмана в количестве 30 или 40 штук; «...общество сие приняло наружным знаком своего соединения портрет известного человека, который не может возбудить никакого подозрения в обществе» (тавтология Магницкого); вывод: общество злоумышляет нечто (*Дубровин Н. Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра Первого. СПб., 1883. С. 235). Потому и верил, что сам в юности желал обмениваться знаками и не понимал, что выросло поколение, способное обходиться без всяких знаков и действовать прямо.

Величественно-жуликоватый граф Безбородко, до конца дней не сумевший (или не пожелавший) избавиться от малороссийского выговора, который придавал его льстивой речи оттенок добродушия и провинциальной простоты.

Строганов-старший, почти всю жизнь проведенный в Париже и представлявший собою «странную смесь энциклопедиста и русского старого барина»; «с умом и речью француза он соединял чисто русский нрав и привычки; он имел большое состояние и много долгов, обширный дом с изящной обстановкой, прекрасную картинную галерею, для которой сам составил систематический каталог, бесчисленное множество слуг-рабов, которым очень хорошо жилось у такого господина, и в том числе несколько лакеев-французов. В нем много было беспорядочности: обкрадываемый своими людьми, он сам же первый смеялся над этим»⁴².

Александр Воронцов, который спустя несколько лет взял на себя «роль посредника между новыми идеями императора и старой русской рутинной и умерителя тех преобразований, которые, как он предвидел, должны были проистечь из намерений молодого императора»⁴³.

Они поддерживали молодежь, подмигивали ей, поощряли, подхихикивали. Славные добрые старики. Смелые благородные друзья человечества.

Безбородко по просьбе племянника чуть позже подготовил «Записку для составления законов российских», выдержанную в духе идей Монтескье. И, возможно, связанную с неосуществившимися конституционными планами Великой Екатерины. Строганов «стоял за то, чтобы каждому человеку была дана возможность счастья и свободы». И это не мешало ему в то же самое время быть «в полном смысле придворным куртизаном, то есть царская милость, придворное расположение и хороший прием во Дворце были ему необходимы. Не честолюбие или какие-нибудь расчеты вызывали в нем это чувство; нет, просто холодный прием или вид нахмуренных бровей Государя были ему невыносимыми, делали его несчастным, мешали твердости духа и покоя»⁴⁴. Но это объяснимо и простительно. Век нынешний и век минувший. Верьте им, верьте; только помните: в случае опасности дядя за племянника не отвечает. А в случае успеха может рассчитывать на свою долю высокомонаршего сочувствия...

Последним, властно раздвинув круг и ближе всех продвинувшись к великому князю, появился на его «идейном» горизонте невеликий князь Адам Чарторыйский.

ГОД 1796.

Весна.

Трехчасовая беседа Александра с Чарторыйским. Великий князь признается, что не разделяет воззрений и правил Кабинета и Двора, называет заточенного Екатериной в крепость лидера польских повстанцев Костюшко великим человеком, который «защищал дело человечества и справедливости», хвалит Лагарпа; осуждая кровь Французской революции, желает ей успеха.

«Происхождение Чарторыйского проложило бы ему путь к польскому престолу, если бы ему не помешала в том Императрица Екатерина. Он не забыл этого и обрек себя вечной ненависти к Русским, коих гнушается, к Императору, которого обманывает, к его министрам, которых презирает; но скрывая свои чувства, он один А лишь знает свои намерения».

(Позднейший донос Дюрока министру тайной полиции Футе, из Петербурга⁴⁵.)

⁴² Чарторыйский. Т. 1. С. 262–263.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. С. 48.

Чарторыйский в революционной Франции не бывал. Чарторыйский говорил об идеалах свободы так, как говорят о них те, от чьей воли свобода зависит. За Чарторыйским дядюшки не присматривали.

Дюрок не лгал. Потомок польских магнатов, униженных и разоренных последним разделом Польши, князь был воспитан, как положено, в ненависти и презрении к русским. Он говорил, что взгляды его были чисто республиканскими; возможно – чего на свете не бывает. Однако в жилах его (и он это слишком хорошо помнил) текла королевская кровь; однако род его был одним из древнейших в Польше; однако в позднейших "Записках" он не упустит случая подчеркнуть, что в детстве от опасной болезни его смог излечить лишь придворный доктор короля Станислава-Августа. (Какова кровь, таковы и болезни; каковы врачи, таковы и пациенты.) И в случае восстановления Отечества князь Адам мог рассчитывать на большее, чем Лагарп в случае победы антибернского восстания: низвергнутый король Станислав-Август был бездетен.

Беда заключалась в том, что вплоть до эпохи наполеоновских войн единственной силой, способной восстановить государственное тело Польши, была сила, его разрубившая, – Россия. Князь Адам понимал это. И как политик, умеющий пройти между Сциллой безыдеальности и Харибдой утопической эйфории, ценил шанс, который давала ему конфиденциальность с наследником русского престола. Впрочем, ближайшие планы его были проще и обозримее. Он был отправлен в Россию и определен на службу в русскую армию, чтобы ценой коллаборационизма вернуть имения, отобранные императрицей у его деда за пролитие русской крови. В этом отношении дружба с Александром Павловичем также сулила многое. На дворе стоял апрель 1796-го, Екатерина 11 здравствовала, Павел Петрович скрежетал зубами, все шло по плану.

ГОД 1796.

Июнь. 25.

Санкт-Петербург.

У Марии Феодоровны и Павла Петровича рождается третий сын, нареченный Николаем – имя это тоже отсутствовало в мартирологах русского императорского дома. Восприемник – Александр Павлович.

«Голос у него бас... длиною он ариин без двух вершков, а руки немного поменьше моих».
(Екатерина II – Гримму.)

Дитя равняется с царями...

Он будет, будет славен.

Душой Екатерине равен.

(Гаврила Державин. «На крещение Великого князя Николая Павловича», 1796 год.)

«Новорожденный был назван Николаем. Смотря тогда на него, как он лежал в пеленках и кричал, утомленный обрядом крещения, весьма продолжительным в русской церкви, я не предвидел, что это слабое, миловидное существо, красивое, как и всякий здоровый ребенок, станет со временем бичом моего Отечества». (Адам Чарторыйский. Мемуары.)

«Я от бабушки ушел...»

Великий князь талантливо вел назначенную ему бабушкой роль. Но, в отличие от Кочубея, не пылал романтической страстью к свободе; в отличие от Строганова – не рвался в бой за нее; в отличие от Чарторыйского – не посвящал каждую минуту жизни достижению патриотической цели, естественно сплавленной с личными амбициями. Он – играл. Он играл с ними в игру либерализма; од играл в бабушкином спектакле; он играл в кошки-мышки с отцом. И до конца серьезно относился лишь к одной возможности, одной перспективе – переиграть всех. А затем, с предписываемой правилами высокого сценического искусства грациозностью, склонив голову на правое плечо, плавно раскинув руки как бы для нежных объятий, неотрывно глядя в зал и мелко семена на цыпочках, вовремя ускользнуть за кулисы. Ибо чем сильнее было давление бабушки, отца, Двора, обстоятельств, мыслей о судьбе царственного брата Людовика (все люди царской крови – братья) и воспоминаний о кончине царственного дедушки Петра Федоровича Третьего, рассказов об ужасах Пугачевского восстания – тем отчетливее и радостнее становилась перспектива *ухода*.

Если бы в Законе Божиим Александра наставлял не отец Андрей Сомборский, он, возможно, почерпнул бы эту идею из трогательного жития индийского царевича Иоасафа, которому старец Варлаам открыл сокровища христа анской веры и который отверг все радости царской жизни ради сладкой муки сораспятия Христу. Но Александра наставлял отец Андрей. И потому жития благочестивого Иоасафа, над которым проливалось слезы не одно поколение русских людей, он не знал.

Зато его хорошо учили Лагарп и Муравьев. А потому Александр помнил пример славного римского полководца Цинцинната, призванного из деревни принять обязанности диктатора и спасти Рим и после скоропостижной победы вернувшегося к деревенским трудам. И римского же императора-реформиста Диоклетиана, доходившего с армией до границ Рейна, подавившего восстание в Египте, завоевавшего Армению и Месопотамию, чтобы в 305 году по Рождестве Христовом отречься от престола и жить в огромном дворце в Солонхах на побережье Далмации. Вероятно (хотя утверждать невозможно), знал они книгу аббата Прево «Воспоминание знатного человека, удалившегося от мира». И совершенно достоверно известно, с каким удовольствием читал он новомодные сочинения в идиллическом роде, герои которых стройными рядами покидали пышные города и царственные чертоги ради уединения под мирным кровом сельской тишины.

Сохранилась учебная тетрадь великого князя за 1787–1789 годы; первое упражнение по русской грамматике, какое мы в ней находим, взято из идиллии «Обитатель предместья» Михаила Никитича Муравьева; открывалась же тетрадь рассуждением «О счастливых селянах»⁴⁶. Особо чтит он самого знаменитого швейцарского поэта той эпохи, Соломона Геснера, стараясь подражать его скромным, чистым, живущим естественной жизнью, знающим горести, но не ведающим отчаяния поселянам и поселянкам.

Практически параллельно с Мерсье, построившим утопию в реальную историческую хронологию, Геснер приблизил время и место действия пасторали к современности; герои его идиллий жили не в Аркадии, а во вполне реальной Швейцарии – стране, пока еще не обретшей нейтрального статуса (это обретение произойдет после победы европейских держав над Наполеоном – и не в последнюю очередь благодаря позиции Александра I). Но даже Геснер не смог избавить идиллию от принципиальной «одноколейности»: идиллический герой имел право или уйти в идиллию из истории, или вернуться в историю из идиллии, но никогда – перемещаться из одного пространства в другое.

⁴⁶ См.: Русский Архив. 1866. Т. 1. Стб. 111–113.

Герой весьма популярного, неоднократно в России переведенного Геснера сочинения «Эвандр и Альцимина» (1762), воспитанный пастухом царевич, восклицает в миг прощания с сельской сенью:

«О вы, безмятежные тени! вы, тихо журчащие ключи! и вы, прекрасные поля, в которых лета юности моего столь спокойно протекали! вас я оставляю для жизни, которая мне неизвестна.» По сие время жил я собственно для меня, а отныне должен жить для народа, быть так! я все силы мои напрягу»⁴⁷.

Именно таким царевичем-пастушком, обреченным на вечную разлуку с мирными дубами ради сомнительного удовольствия власти, и ощущал себя Александр. Знающая толк в жанрах бабушка и о том позаботилась.

«Если бы вы видели, как господин Александр мотыжит землю, сажает горох, высаживает капусту, идет за плугом, боронит и затем, весь в поту, бежит ополоснуться в ручье, после чего берет сеть и вместе с сударем Константином лезет в воду ловить рыбу. И вот они уже отделяют шук от окуней, потому что, видите ли, шуки поедают других рыб... мы берем книгу для чтения с тем же настроением, с каким садимся в челнок, чтобы грести; и надо видеть нас сидящими в этом челноке...»

(Екатерина II – Гримму, из Царского Села 3 июня 1783.)

Это было в духе времени; в 1788 году было завершено строительство фермочки Марии-Антуанетты, на самой окраине Версаля.

Выглядывая по утрам из окон центрального дворца, старшие Людовики как бы окидывали взором пространственную модель своего королевства – бескрайнего, упорядоченного, всеобъемлющего. Всему было отведено свое место, выделена своя роль: офицеры охраняли, садовники обихаживали, цветочницы собирали, мусорщики выметали, фонтаны пенились, лодочки плыли, жизнь продолжалась.

Младшим Людовикам стало неуютно в отцовских владениях. Им хотелось чего-нибудь менее помпезного, более человеческого – чтобы взгляд, бросаемый по утрам с балкона, не блуждал тоскливо в поисках далекого горизонта, а сразу упирался во что-нибудь миленькое и уютное. В игру теней на холмистых лужайках. В миниатюрный фонтанчик в укромном уголке сада. Так центр версальской жизни сместился чуть вправо: рядом с главной аллеей вырос Малый Трианон. Вырос, но не подрос: здесь королевский дворец был как бы уполовинен, парк сужен и лишен регулярности, в облицовке появился томный розовый мрамор.

Но французские монархи быстро и неумолимо теряли вкус к величию. Уже следующее поколение королей сочло скромный Трианон неуютной громадиной. Большими должны быть картины, изображающие королевскую жизнь (французская живопись XVIII века более чем склонна к гигантомании и пышности.) А сама королевская жизнь должна быть маленькой и счастливой. Так и учредилась на самом краю версальского парка деревенская ферма. Не пруды, а прудики с золотистыми прожорливыми карпами, которые гужевались у самого берега и, жадно разевая рты, выпрыгивали из воды за кусочками хлеба. Не мрамор Каррары, хотя бы и розовый, а плотно спрессованная и ровно подстриженная солома. Не фрейлины и пажи, а пастухи и пастушки, не грязные и бородатые подданные с их вечными проблемами, а чистые черненькие свинюшки, стриженные овечки и козочки с бугорочками рогов.

Никаких аллей, никаких далей, никакой перспективы. Боковая дорога истории сузилась до предела. Горизонт сомкнулся. Осталась крохотная прорезь – как раз для королевской головы. Через год совершится Французская революция, в 1793-м в эту прорезь обрушится нож революционной гильотины, и на дорожки огромного парка ворвутся те, кого так боялись и так

---

⁴⁷ См.: Санкт-Петербургский вестник. 1779. Ч. 4. С. 196. Показательно, что этот перевод помещен был в журнале, тесно связанном с кругом великого князя.

не любили последние французские короли, от кого они так робко прятались на своих крохотных фермах: их несчастные подданные...

И если Екатерина играла в пастораль легко и беззаботно, то ее внук отнесся к этой игре и ее правилам абсолютно всерьез. Не случайно в миг своего высшего торжества, возвращаясь из только что взятого Парижа через Швейцарию, Александр «отправился на поклонение к могиле любимого певца». А в Богемии, в годовщину Лейпцигской битвы, собственноручно пахал поле; так же поступал в будущем и граф Лев Николаевич Толстой.

...Сюжет ухода от давящего, обрекающего на неизбывную пожизненную муку царского дела и представление об идеале мирной, тихой частной жизни накладывались друг на друга, сплетались, как средство и цель:

«Вот, дорогой друг, важная тайна... В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя... стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?.. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

(Письмо Александра Павловича В. П. Кочубею от 10 мая 1796 года)⁴⁸

Это была не безвольная мечта о воле; это была деятельная утопия безволия, предложенная в ответ на непосильный вызов Революции. То есть – не игра мысли, а твердое, хотя и не до конца продуманное намерение. Ради его воплощения великий князь впервые вышел из слепого повиновения бабке и обогнул воздвигнутое ею препятствие – преждевременное, внеочередное бремя власти.

ГОД 1796.

Август. 13.

В Петербург под именем графа Гааги прибывает наследный принц шведский Густав, встреченный у границы и сопровождаемый в Северную столицу Михайлой Кутузовым; цель приезда – обручение с великой княжной Анной Павловной.

Сентябрь. 11.

Не приняв условия брачного контракта, по которому его русская жена сохраняла правослаویه, Густав не является на объявленное обручение.

С Екатериной II случается удар.

16.

Опасаясь близкой кончины, Екатерина предлагает внуку занять престол «вне очереди» еще при ее жизни.

24.

Александр направляет ей письмо с выражением уклончивого согласия; одновременно сближается с Павлом (в письме Аракчееву, отправленном накануне, Павел поименован «Его Императорским Величеством», из чего историк конца XIX столетия генерал Николай Карлович Шильдер предполагает тайную присягу Александра отцу в присутствии Аракчеева. Впрочем, великий князь Николай Михайлович Романов, автор двухтомных материалов к биографии

---

⁴⁸ Надлер В. Император Александр I и идея Священного союза. В 5 т. Рига, 1886–1892 (далее: Надлер). Т. 1. С. 15.

нелюбимого им предка, роскошно изданных в 1912 году, такую возможность начисто отмечает).

План Екатерины нашел на встречный план, как находит коса на камень. И – странная вещь, непонятная вещь. Ее твердокаменность была сокрушена его мягкотелостью. Императрица была умна и хитра. Но ей и в голову не могло прийти, что желание обрести блаженное безволие пробудит в наследнике железную волю. Что великий князь, при всей переменчивости характера, проявит неуклонную, пожизненную, как сам крест царской власти, верность однажды поставленной цели. Он еще не понял, что для отказа от власти тоже нужна власть; что никто не позволит ему отречься от престола и променять царство на ферму, пока престол ему не принадлежит; что он в состоянии погубить чужой замысел, но не может осуществить свой.

Если бы понимал – согласился на план Екатерины, на мирный бескровный переворот. Но он – не понимал, а Лагарп – не объяснил. Во-первых, потому, что Закон превыше всего, превыше целесообразности, превыше здравого смысла. Не тот закон, что писан законодателями (с этой точки зрения намерения Екатерины осуждению не подлежат, ибо до Павла никакого юридического установления о престолонаследии не существовало, только петровское правило о престолоназначении; да и Павел, при всем его уме и реформаторских наклонностях, утверждая новую норму, заботился не только о юриспруденции, но и о своей безопасности на случай заговора со стороны Марии Феодоровны). А Закон извечный, незримо разлитый во Вселенной; Закон как таковой; Закон как идея Закона. Отступать от него можно лишь в том случае, если исхищено святейшее из прав человеческих – свобода; здесь же речь о свободе не шла. Во-вторых, осчастлививатель 40 000 000 русского народу, оправдатель германских жертвоприношений не хотел рисковать. И по-человечески это понятно. В-третьих, он должен был беречь себя для своего собственного «проекта», своей собственной постановки на своем собственном политическом театре. И потому невольно содействовал провалу постановки – екатерининской. Последний акт затеянной ею драмы обернулся пятым актом не предусмотренной ею трагедии и столько лет приуготавливавшийся итог оказался полностью противоположен замыслу. (Как говорил в таких случаях Пушкин, какую «штуку удрала» Татьяна: «отказала Онегину и бросила его: этого я от нее никак не ожидал»⁴⁹)

---

⁴⁹ Из разговора с Е. Мещерской. Цит. по: Пушкин А. С. Евгений Онегин / Изд. подг. А. Тархов. М., 1978. С. 258.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.